

Через несколько дней после инцидента в Камере Гарри подвергся бомбардировке со всех сторон недоверчивой школой, в то время как Корнелиусу пришлось иметь дело со всеми остальными. Было достаточно свидетелей его поражения тысячелетнего василиска, чтобы слухи начали циркулировать сначала по всей школе, а затем

по всей Британии и за ее пределами. К концу недели Гарри услышал все возможные вариации истории, начиная от глупых, но несколько правдивых до абсолютно

абсурдных, и кульминацией которых он чуть не приступил, когда на четвертом курсе Слизерин спросил его, правда ли, что все это ложь. Слизерин сказал, что у него было письмо от его двоюродного брата, который учился в Дурмстранге, и в болгарской школе говорили, что он анимагус, который может превратиться в василиска, но не с учетом его молодого возраста, и что взрослые в Палате видели его получеловеческую полубазилистую форму, и поэтому он был вынужден забыть их все - хотя как он должен был справиться с этим, когда он был слишком молод. Быть анимагусом не упоминалось - и поэтому он вложил историю своего героизма в их умы, чтобы сохранить лицо.

Тот факт, что сказка достигла материковой Европы, какой бы извращенной она ни была, заставил Гарри застонать, хотя Корнелиус сделал гораздо больше. Министр

был окружен сначала должностными лицами министерства, затем всеми министрами магии в Европе и еще несколькими за рубежом, пока, наконец, Международная

конфедерация волшебников не связалась с ним. Корнелиус ожидал большого интереса. Мало того, что подопечный британского министра магии спас Хогвартс —

старейшую и самую известную волшебную школу в мире — но тот факт, что это был Гарри Поттер, мальчик, который жил, означал, что всегда будет много внимания

к тому, что произошло в теперь уже не столь легендарной Тайной комнате. Корнелиус был готов к этому, даже был взволнован, поскольку это принесло ему больше престижа, но он не был готов к такому большому международному интересу. В середине ноября, через месяц после инцидента, Корнелиус снова появился в Хогвартсе, и Гарри забрали из класса, чтобы присутствовать на собрании в кабинете директора. — Гарри! Корнелиус радостно поздоровался, и Гарри вернул свою улыбку. С тех пор, как он последовал за Гарри в Палату, почти не колеблясь, Гарри обрел новое

уважение и даже привязанность к своему опекуну. Корнелиус поставил свою жизнь на кон, чтобы защитить Гарри, чего никто, кроме его давно умерших родителей, никогда не делал для него раньше. Что сделало более важным для Гарри, так это то, что он знал, без сомнения, что Корнелиус сделал это для него, а не для его

образа. Он знал своего опекуна достаточно хорошо, чтобы знать, что даже его образа не было достаточно, чтобы Корнелиус рисковал своей жизнью, но он, Гарри, был.

"Корнелиус. Директор школы». Он поздоровался, заняв открытое, волшебным образом расширенное сиденье и устроившись в нем. Джинни еще не оправилась от одержимости Воланде-Мортом. То, что произошло в камере, и то, что она была вынуждена сделать, тяжело давило на нее, и она замкнулась внутри себя. Мадам Помфри сказала, что ее ум делает то, что считает необходимым, чтобы защитить себя, и не было заклинания или зелья, которые могли бы это исправить. Попытка была бы означать разбить ее разум на части в попытке преодолеть барьер, который он создал, и при этом, вероятно, она стала бы пациенткой в долгосрочной палате

в Сент-Мунго. Мистер и миссис Уизли хотели забрать свою дочь домой, услышав это, но это быстро оказалось неразумным. Джинни дали зелье для сна без сновидений после того, как мадам Помфри проверила ее на наличие травм в тот день, но она все еще просыпалась с криком; даже сон без сновидений не мог полностью сдержать кошмары. В течение этих первых нескольких часов бодрствования Джинни свернулась в клубок в углу больничного крыла, раскачиваясь взад и

вперед. Ничто из того, что делала ее семья или школьная матрона, не могло дотянуться до нее, не говоря уже о том, чтобы утешить ее, и только когда Гарри

появился, чтобы проверить ее, она вырвалась из него. С задушенным рыданием она бросилась на Гарри и прижалась к нему, как и после пробуждения в палате. С тех пор она едва покинула его сторону. Каждый раз, когда кто-то пытался разлучить их, Джинни становилась неистовой, плакала, кричала и пинаясь, чтобы вернуться к нему. Это был единственный раз, когда она произнесла звук, не сказав в течение месяца.

Уизли были почти так же неистовы, беспокоясь до неверия за свою дочь и сестру. Специалист по магии разума был привезен из Сент-Мунго, чтобы посмотреть на нее, и не предложил лучших новостей, чем мадам Помфри, хотя он и предложил немного больше понимания. Осторожно используя законность, чтобы заглянуть в ее разум, целитель сказал, что это почти полностью темнота. Что бы ни сделал с ее умом подросток Волан-де-Морт, пока она была одержима, о чем никто, возможно, в безопасности сама Джинни, не знал в полной мере, это принесло одеяло тьмы на ее разум. Она постоянно жила в боли и ужасе от того, что с ней сделали, без видимого спасения. За исключением небольшого количества света, который принес Гарри. Целительница предположила, что, поскольку Гарри спас ее, она

ухватилась за него, как за то, что существо, которое, как она знала, с абсолютной уверенностью защитит ее. Она чувствовала себя в безопасности с ним, и, поскольку это была единственная часть безопасности, которую она имела в данный момент, она не могла отпустить, иначе она полностью упала бы в темноту. Только

время покажет, выздоровеет ли когда-нибудь Джинни, и целитель, и мадам Помфри предупреждали их, что, возможно, обладание ею Волан-де-Мортом нанесло непоправимый ущерб. В то же время Джинни была оболочкой, до которой мог добраться только Гарри. Она посещала занятия с ним и следовала за ним в библиотеку, сидя там совершенно без участия, и цеплялась за него в большом зале во время еды, питаясь только при поддержке Гарри. Это были легкие части. Использование loo

оказалось проблемой, но они справились с ней с помощью Билла.

Старший брат Уизли попросил отпуск с работы, который гоблины предоставили мгновенно. Гоблины, подлые, злобные и суровые мастера, которыми они были, также были очень семейными. Ничто не имело большего значения для гоблинов, чем их семья, и было широко известно, что вы возились с семьей гоблинов на свой страх и

риск. Хотя он был волшебником, Билл также считался почетным гоблином, будучи одним из немногих людей, которых гоблины любили достаточно, чтобы работать в

Гринготтсе. Было хорошо известно, что дочь Артура Уизли была втянута в инцидент в Тайной комнате, и поэтому, когда Билл попросил об уходе, гоблины знали, что

это забота о его сестре, и очень одобрительно - учитывая, что его действия были такими же, как у гоблинов в той же ситуации - согласились на его просьбу. Затем

Билл сказал Дамблдору, что он остается в Хогвартсе с Джинни, почти осмелившись на то, чтобы директор школы убрал его. С его глазами, мерцающими на полном

ходу, Дамблдор согласился с условием, что Билл поможет Снейпу в покрытии классов защиты от темных искусств, пока не будет найдена подходящая замена; Локхарт бежал из замка вместо того, чтобы иметь дело с монстром, как он сказал, что может. Билл согласился, и его присутствие означало, что не было неловких

ситуаций в ванной комнате. Билл остался с Джинни, пока Гарри принимал душ, и смог сохранить ее спокойствие, в то время как обычно разлука с Гарри заставляла

ее возвращаться к отчаянной панике. Целитель разума предположил, что это было потому, что, будучи старшим братом Джинни и на одиннадцать лет старше ее, Билл всегда любил ее и был ее защитником, и какая-то часть Джинни признала это. Он не был долгосрочным решением, хотя и даже с присутствием Билла Джинни не могла долго быть вдали от Гарри. Во время собственных визитов в лоо Гарри приходилось сидеть за дверью, которая оставалась открытой лишь трещиной, и

разговаривать с ней все время. Гермиона шагнула и каждый раз сопровождала Джинни в туалет девушки, следя за ней, чтобы голоса Гарри не хватило, чтобы

держат темноту в страхе.

Однако ночное время было самым сложным. Крики Джинни разбудили всю башню три ночи подряд, даже с более мощным сном без сновидений, который сварил Снейп, прежде чем взрослые согласились, что это не может продолжаться. После долгих обсуждений и первоначально много протестов против мистера и миссис Уизли, а

также корнелиуса и Алдоры, Дамблдор распечатал комнату Главного Мальчика в башне Гриффиндора, которая не использовалась в этом году, так как Главный Мальчик был Хаффлпаффом, и он был преобразован в общежитие для Гарри и Джинни. Единственная причина, по которой родители и опекуны в конечном итоге

сдались, заключалась в том, что было ясно, что детям не будет разрешено оставаться в комнате одни. Все братья Уизли, за исключением Чарли, который не смог получить свободное от работы время, переехали к ним. Отчасти это было сделано для того, чтобы следить за Гарри, учитывая, что он будет спать рядом с их младшей

сестрой, но в основном это было для того, чтобы развеять любые слухи до того, как они начали, хотя, с точки зрения ее братьев, это было в основном для того, чтобы попытаться предложить Джинни безопасное пространство, которое не только имело Гарри там, чтобы защитить ее. но почти все ее братья тоже. Первая ночь в новом общежитии стала облегчением для всех Гриффиндоров, так как они получили полноценный ночной сон. Кровати Гарри и Джинни были сдвинуты вместе после припадка паникующей Джинни, что позволило им держаться за руки, когда они засыпали, хотя они проснулись прижавшись друг к другу с Биллом, стоящим над ними. Гарри почувствовал кратковременную панику, будучи пойманным в постели, обняв сестру Билла, но старший волшебник отмахнулся от своих опасений. Помимо того, что им было всего одиннадцать и двенадцать лет, они были еще детьми и слишком малы, чтобы думать о сексе, увидев их вместе, Билл не увидел между ними ничего даже отдаленно неуместного. Конечно, это не помешало ему, Перси, Фреду, Джорджу и Рону сделать то, что они назвали своим «братским долгом», и очаровать шторы в постели, чтобы оставаться открытыми.

В течение нескольких недель после инцидента в Палате все стало новой нормой, но оказалось,

что Корнелиус был здесь, чтобы нарушить ситуацию. — Что-то не так? — спросил Гарри, не любя изможденный вид, который носили оба взрослых.

«Как вы знаете, Гарри, был большой интерес к тому, что происходило в Тайной комнате». Корнелиус начал, а Гарри только кивнул. «Я старался держать большую

часть контроля подальше от вас, но я боюсь, что больше не могу этого делать». Гарри воздержался от фыркания. Вначале попытки Корнелиуса держать людей в

страхе были в лучшем случае слабыми, так как министр купался во внимании и даже славе, которые Гарри принес ему, и к тому времени, когда все вышло из-под

контроля, было уже слишком поздно. «Был такой большой интерес к этому инциденту со всех сторон. Одной только новости о встрече с василиском достаточно, чтобы привлечь внимание, учитывая, насколько редки и смертоносны звери. Обычно не было никаких новостей, так как любой, кто наткнулся на одного из зверей, не был рядом, чтобы рассказать об этом». Гарри не мог с этим не согласиться.

«Даже Парсельмут не гарантирует, что сможет контролировать василиск». Он сказал, и Корнелий кивнул.

«Добавьте, кто вы есть», — продолжил Он. «И что все это происходило в самой известной школе волшебства в мире, и более того, в легендарной камере одного из самых могущественных и знаменитых волшебников всех времен, и вы можете видеть, как это заинтересует так много». Гарри мог это понять. Основатели Хогвартса были одними из самых известных ведьм и волшебников, которые когда-либо существовали. В каждом волшебном обществе были свои знаменитые волшебники, но некоторые из них были известны во всем мире. Мерлин, бесспорно, был самым известным и самым могущественным волшебником, который когда-либо существовал. На самом деле, он был настолько знаменит, что был известен во всем мире маглов; Семилетний Гарри был шокирован, узнав, что легенды об Артуре, которые он

читал, были не просто легендами. Непосредственно за Мерлином, конечно же, шла ведьма Моргана, сводная сестра короля Артура. Она была ответственна за его

смерть и смерть Мерлина и была первоисточником стереотипа мира маглов о злой ведьме. Основатели Хогвартса, конечно, создали первую школу волшебства в мире, чему многие страны пытались подражать в последующие века, хотя только одиннадцать официальных школ волшебства, признанных Международной конфедерацией

волшебников, все еще остались.

Гарри был удивлен, узнав, что шесть из самых известных ведьм и волшебников всех времен были британцами - семь, если считать самого Гарри - учитывая огромное

количество волшебных обществ, некоторые из которых были намного старше, чем волшебная Британия. На самом деле, Гарри мог назвать только двух иностранных известных волшебников: Дзоу Йена, китайского алхимика 4-го века, ответственного за обнаружение большинства оснований зелья, все еще используемых сегодня, и Мересамун, египетская верховная жрица бога солнца Ра, которая была первым человеком в истории, оставившим после себя письменные записи о магии, включая

самое первое стандартизированное заклинание. Одним из немногих уроков Биннса, которые

запомнил Гарри, было изучение Мересамун и того, что она оставила после

себя. Верховная жрица в личном дневнике записала, что заклинание в ее время было довольно грубым, и каждая ведьма или волшебник создавала свое собственное

заклинание, включая движение палочки и заклинание, с той же целью и с разной степенью успеха. Чтобы лучше поклоняться Ра, Мересамун хотел научить всех жрецов и жриц под ее руководством, как успешно вызывать солнечный свет, и поэтому создал заклинание, которое Гермиона использовала для большого эффекта против Дьявольской Ловушки в их первый год. Заклинание, *Lumos Solem*, несколько веков спустя, изменилось на латинскую этимологию, используемую для основы

всех стандартизированных заклинаний сегодня, но происхождение заклинания можно проследить до Мересамуна в Древнем Египте. — Так что же нам делать? — спросил Гарри, глядя между своим опекуном и директором.

«Я боюсь, что мы должны положить конец всем слухам, иначе это никогда не исчезнет». Теперь Корнелий казался нерешительным. «Это мнение министерства, и

профессор Дамблдор соглашается, что разрешение общественности — избранным представителям общественности, то есть — войти в Тайную комнату и увидеть ее, и убитый василиск, из первых рук, позволит увидеть правду, и фурор последнего месяца утихнет». Теперь Гарри понял колебания Корнелиуса. — Нет. Он щелкнул, крепко схватив руку Джинни, даже когда она начала трястись, оба пришли к одному и тому же выводу: для входа в палату требовался Парселлинг, а это означало, что Гарри придется уйти. Это означало, что ему придется покинуть Джинни, или ей придется снова войти в камеру и столкнуться со

своими кошмарами. «Я не буду подвергать Джинни этому».

«Гарри, я знаю, что ты хочешь защитить своего друга». Корнелиус звучал гораздо более понимающим и даже обеспокоенным, чем ожидал Гарри, но это ничего не изменило, чтобы изменить его мнение. «Но так продолжаться не может. По причинам, как понятным, так и нет, мир находится у наших дверей, и мы должны позволить им заглянуть внутрь, если мы хотим отправить их в путь». — Корнелиус прав, Гарри. Дамблдор заговорил, и Гарри выстрелил в него.

«Хорошо, тогда вернитесь в палату, я, конечно, не остановлю вас. Но я ни в коем случае не оставляю Джинни, чтобы вернуться туда на пресс-конференцию, и я

тоже не заставлю ее уйти. Найдите себе еще один Парсельмут».

«Ты знаешь, что мы не можем, Гарри. Это не так просто». Гарри обратил свой взгляд на своего опекуна.

«Вы сами сказали, что «мир был у наших дверей». Наверняка одна из этих кровавых гарпий — парсельмут или, по крайней мере, знает одного».

«Похоже, что это не так». Дамблдор поднял руку, чтобы остановить реплику Гарри. «Ты знаешь, как редок подарок Парселлинга, Гарри. Вы единственный в Британии, единственный в Европе даже. По крайней мере, это известно. Если в Европе есть другие парсельмуты, они решили не раскрывать себя».

«Но наверняка от Айсы? Ближний Восток? Африка, Австралия, Южная Америка... Есть много

мест, где змеи встречаются гораздо чаще, чем в Европе, местах, которые послали людей пастухать нас. Среди них обязательно будет Парсельмут».

«Вы, вероятно, правы, Гарри, но они не выходят вперед». — сказал Корнелиус.

«Я могу сосчитать с одной стороны количество зарегистрированных Парсельмутов на протяжении всей истории, Гарри, и только один из них все еще жив». Острый

взгляд Дамблдора точно сказал Гарри, о каком Парсельмуте он говорил. «Хотя это правда, что в мире почти наверняка есть и другие парсельмуты, такой редкий дар

сделал бы их численность очень маленькой, и ни один из этих немногих не известен нам, кроме вас». Гарри зарычал и приготовился спорить, но сжатие руки

привлекло его внимание к девушке рядом с ним. Джинни смотрела на него, и хотя ее глаза все еще слезились слезами, там также была решимость, которую он редко

видел. За последний месяц Гарри довольно хорошо прочитал выражения и движения Джинни. Он должен был это сделать, если он когда-нибудь узнает, что она пытается сказать, учитывая, что она все еще не сказала ни слова. Кивок ее головы сказал ему, что она говорит «да» чему-то, в то время как решимость в ее глазах — не говоря уже о текущей теме обсуждения — точно сказала ему, что это за что-то.

"Джинни..." Он сказал. «Вам не нужно спускаться туда только ради каких-то кровавых ванкеров, которые суют нос туда, где им не место. Я тебя не позволю». Вспышка гнева настигла решимость в ее глазах, то, что Гарри видел несколько раз раньше. В то время как Джинни замкнулась в себе и по большей части была довольна тем, что пережила день после Гарри, иногда появлялось ее настоящее «я», в основном, когда ее братья пытались приказывать ей или принять решения за нее. Гарри вздохнул, зная, что не может принять это решение за нее. — Ты уверен? С подтягиванием рта и обновленным взглядом решимости Джинни кивнула. — Хорошо. — сказал Гарри, возвращаясь к двум взрослым. «Мы вернемся в Тайную комнату».

<http://tl.rulate.ru/book/61573/2342625>